

АТРИБУЦИЯ ПОРТРЕТОВ XVIII в. ИЗ СОБРАНИЯ ВГИАХМЗ

М.Е. Даен

До недавнего времени считалось, будто памятники старинной живописи, хранящиеся в провинциальных музеях, являются как бы “вещью в себе”. Сейчас такое представление кажется устаревшим. Провинциальное искусство России, также как и столичное, – продукт своего времени, и оно не только отражает это время, но и само по себе является его документом. Однако на пути его изучения существуют объективные трудности. Не секрет, что в 20-е годы памятники из дворянских усадеб вывозились стихийно, четкой документации о поступлении их в музей не велось, книги учета того времени были зачастую “слепыми”, в них не указывалось не только имя бывшего владельца той или иной усадьбы, но даже географическое место, откуда памятники поступали. И только отдельные, часто случайные пометки карандашом, косвенные воспоминания очевидцев да такие же упоминания в литературе служат той единственной соломинкой, ухватившись за которую, мы пытаемся определить происхождение того или иного безадресного произведения. Безадресность, однако, не может служить предлогом для полной невозможности атрибуций. Существуют и другие опознавательные знаки, как то: характер прически, костюма на портретах, особенно если это мундир, что помогает исследовать время создания памятника, определить социальный статус или чин его владельца. Далее уже следует конкретная работа в архивах, которая, судя по опыту, может привести к положительным результатам. Приведем примеры.

I

В истории русского искусства имя Мины Лукича Колокольников – некогда забытого русского художника XVIII в. – благодаря исследованиям музейных работников и открытиям реставраторов стало занимать одно из ведущих мест. За последнее время в разных музеях и в частных собраниях в Санкт-Петербурге, Москве, Твери, Вологде открыт ряд портретов, которые позволили исследователям изучить его стиль, манеру, круг заказчи-

ков, определяющих общественное положение художника и его творческое лицо. Однако немало осталось и неопознанных произведений¹. Среди них – портрет неизвестного вельможи из собрания Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника².

Впервые он был опубликован исследователем Гос. Эрмитажа И.Г. Котельниковой, которая датировала его концом 1740-х – началом 1750-х годов как бесспорное произведение М.Л. Колокольникова. Рентгенографическое исследование портрета, проведенное в отделе технико-технологической экспертизы ВХНРЦ им. И.Э. Грабаря старшим научным сотрудником И.Е. Ломизе в 1980–1981 гг., эту атрибуцию полностью подтвердило. Однако датировка его, согласно данным заключительного анализа, чуть-чуть иная – 1753–1755 гг.³ Прежде чем принять ту или иную датировку, предложенную разными исследователями, следует попытаться определить, кто же изображен на портрете.

Визуальное сравнение этого портрета с рядом произведений того же времени выделяет его особой торжественностью композиции, широтой письма, монументальностью образа. На нем изображен тучного сложения мужчина, уже немолодой, прошедший большую жизненную школу. Полное лицо его с энергичным взглядом серых глаз притягивает неповторимой индивидуальностью и внутренней силой. Парадная композиция портрета включает некоторые элементы барокко. Эффектная синяя мантия за плечами, стальная кираса – говорят о том, что художник использовал приемы гравированных портретов первой половины XVIII в. С другой стороны, эти элементы указывают на знатность изображенного лица, а широкий офицерский шарф, поблескивающий золотыми нитями шитья, явно уж говорит о его военной службе. Правой рукой вельможа опирается на толстый фолиант книги в кожаном переплете с золотым тиснением на обложке, что должно означать просвещенность его владельца.

Мина Лукич Колокольников (1707/1708–1775). Портрет Алексея Михайловича Резанова, 1551–1553 гг., х., м., 120×124 см, ВГИАХМЗ, инв. № 2834

Вероятно, трудно найти изобразительную аналогию данному портрету. Сходство лица вельможи с лицом генерал-полицмейстера Алексея Даниловича Татищева на гравированном портрете (илл. в сб. “Исторический вестник”. 1887. Т. 29) оказалось случайным. Это предположение не подтвердилось мундироведческой экспертизой и заставило нас искать другие пути для определения личности⁴. Петербургский исследователь А.Л. Никитин определил, что на портрете изображен артиллерийский обер-офицер. На это указывает обильно расшитый золотым позументом красный однобортный, без лацканов кафтан с черным воротником и такими же обшлагами рукавов, на которых выделяются круглые позолоченные пуговицы, а также офицерский шарф. Научный сотрудник Государственного военно-исторического архива В.И. Егоров уточнил и крайние даты ношения такого мундира – 1747–1757 гг., что существенно облегчает поиск изображаемого лица.

К сожалению, история бытования портрета противоречива. По устной легенде, он происходит из села Васильково, Вологодского уезда⁵. По другой версии, согласно воспоминаниям писателя Ивана Евдокимова в его неопубликованной рукописи “Куркино”, этот

портрет был вывезен из усадьбы Спасское Куркино, принадлежавшей помещикам Резановым, а со второй половины XIX в. – их потомкам Андреевым⁶.

И уж совершенно сомнительной кажется версия И.Г. Котельниковой о связи данного портрета с владельцами села Васильково, случайно взятыми из просмотренных ею “Резвизских сказок” в Архиве Вологодской области (в дальнейшем ГАВО)⁷.

И все же две первые версии о происхождении портрета, несмотря на противоречивость, могут быть приняты в качестве исходного пункта для дальнейшего поиска, ибо как и то, так и другое село связаны со старинным дворянским родом Резановых, известным еще с допетровских времен⁸.

Село Куркино в конце XVIII и начале XVIII в. принадлежало Юрию Матвеевичу Резанову – царедворцу Алексея Михайловича, затем его детям, внукам, правнукам⁹. Владелец села Васильково, согласно документам, числилась вторая жена Михаила Юрьевича Резанова – Марфа Степановна Михайловская¹⁰.

В Государственном Архиве Вологодской области (фонд консистории) имеется родословная Резановых с документами, подтверждающими право владения их на целый ряд земель в Верхневологодской волости, пожалованных царем Алексеем Михайловичем Юрию Матвеевичу Резанову “в Кубенской волости в село что были деревни Тарасовка, Коренево, Иванчино на ручью, Кашкалиха на Суходоле, две трети деревни Зарубина, да в Тошенской волости в Верховской трети с пустошью Елизарово, да в Володимерском уезде в Гуской волости в деревне Большаково, в пустошь Ивановскую... что были в поместье за Володимером да Матвеем Резановыми, а в 1648 году даны в поместье сыну его Юрию Резанову в крепость, которые в том селе и в двух деревнях живут, а на пустоши и треть пустоши впредь учнут жить”, о чем свидетельствуют отказные подьячего Михайла Казакова 1648 г.¹¹

Среди представителей рода Резановых в первой половине XVIII в., согласно приведенному выше документу, числится артиллерийский офицер Алексей Михайлович Резанов – сын Михаила Юрьевича Резанова от его первой жены Марьи Максимовны, внук царедворца Юрия Матвеевича. Он упоминается в Исповедной ведомости Михайло-Архангельской Верхневологодской церкви за 1727 г.: “...сельца Куркино Артиллерии напольный

капитан порутчик Алексей Михайлов сын Резанов", а вместе с ним его жена Ефросинья Никитична¹².

Однако в исповедных ведомостях той же церкви за другие годы первой половины XVIII в. чаще мелькают женщины – представители рода Резановых: вторая жена Михаила Юрьевича Марфа Степановна (умерла в 1748 г.), ее дочь Евдокия, вышедшая замуж за поручика Михаила Борисовича Засецкого и рано овдовевшая, да изредка жена Алексея Михайловича Резанова Ефросинья Никитична с малолетним сыном Димитрием¹³. И только с 1754 по 1760 г. имя Алексея Михайловича – уже в статусе надворного советника – вновь появляется на страницах исповедных ведомостей указанной выше церкви как помещика сельца Куркино и сельца Елизарово, а вместе с ним жена, Ефросинья Никитична и единственный сын Димитрий. Здесь, в окружении родных Алексей Михайлович и провел остаток своей жизни, где скончался, очевидно, после 1760 г., так как уже в 1764 г. в качестве владельца имения называется его сын Димитрий¹⁴.

Разумеется, данные исповедных ведомостей можно принять с большими оговорками. Содержащиеся в них сведения не всегда были точны, к тому же и возраст прихожан указывался весьма приблизительно. Но этих сведений вполне достаточно, чтобы продолжить поиск предполагаемого лица по другим источникам.

В фонде Герольдмейстерской канторы (РГАДА) находится дело "О награждении артиллерийского капитана Алексея Михайловича Резанова чином надворного советника и об отставке его от службы в полевой артиллерии, датированное 1745 г., по представлению в правительственный Сенат от генерал-фельдцейхмейстера и кавалера принца Гессен-Гомбургского"¹⁵.

Любопытные и почти исчерпывающие сведения о жизни и карьере дает текст челобитной Алексея Михайловича на имя императрицы Елизаветы Петровны, который приводим целиком:

"Всепресветлейшая Державнейшая Великая Государыня Императрица Елисавет Петровна Самодержица Государыня Всемиловитейшая. Бьет челом артиллерии капитан Алексей Михайлов сын Резанов, а о чем мое прошение, тому следуют пункты:

1

В прошлом 715 году записан я из недорослей во Артиллерийскую школу для обучения науке и обучался артиллерийской науке, а по экзаменации то-

Фрагмент
портрета
(увеличенный)

гда бывшего артиллерии господина генерала-мажора Гинтера и по науке в действительную службу Вашего Императорского Величества определен в 720 году в полевую артиллерию капралом и по науке же и достоинству в 726 году пожалован сержантом и был во многих командированных и в разных посылках. В 727 году октября 12 дня по старшинству и достоинству пожалован штык-юнкером, 729 года сентября 12 дня по поручению определен на Охтенские пороховые заводы за камисара, в 731 году сентября 12 дня порохом камиссаром ранга артиллерии капитана-порутчика, а в 737 году цалмейстером рангу артиллерии капитана во Артиллерийскую цалмейстерскую кантору к приходу и расходу денежной казны, и был цалмейстером 742 году декабря по 15 число, а свыше писанного числа тем же чином переведен в полк осадной артиллерии капитаном, в котором чине поныне состою тому уже девятой год. А в бытность мою цалмейстером и капитаном к приходу и расходу денежной казны по 743 году артиллерии по 1 число произведено мною в приходе и расходе девятьсот семьдесят девять тысяч семьсот шестьдесят шесть рублей осьмнадцать копеек три четверти, о котором приходе и расходе щетные скаски за все годы мною сочинены и поданы для свидетельства по артиллерийским щетным делам, по каторым щетам и начету на себя никакова не имею в чем и квитанции от канцелярии главной артиллерии и фортификации мне даны.

Неизвестный художник.
Портрет
Ивана Андре-
евича Омеля-
нова,
кон. 1770-х
годов, х., м.,
100,7×66,7 см,
ВГИАХМЗ,
инв. № 5150

Неизвестный художник.
Портрет
Всеволода
Ивановича
Омелянова,
1751 г., х., м.,
103×65 см,
ВГИАХМЗ,
инв. № 5077

2

А ныне мне от роду сорок семь лет и за тягостию мою отчего имею немалую одышку и затем полевой службы понести я не в состоянии и дабы Величайшего Вашего Императорского Величества указом повелено было за вышеприписанной тягостию моею от полевой службы отставить для определения к штацким делам представить Правительствующему Сенату, как и протчих моих братьев.

Артиллерии капитан Алексей Резанов.”¹⁶

В доношении генерал-лейтенанта Де-Генина, сопровождавшей челобитную Резанова к императрице Елизавете Петровне о его отставке и определении к штатским делам, имеются сведения о составе его семьи и о местожительстве: “...детей у него Сын Димитрий 10 лет по сему указу в Герольдмейстерскую кантору явлен, крестьян за ним в Вологодском уезде и сельце Елизарове с деревнями 152 души, в Санкт-Питербурхе двор Иловьев ево Артиллерийская линия...”¹⁷

Таким образом, из документа следует, что Алексей Михайлович Резанов (род. ок. 1698

– ум. после 1760) обучался в Артиллерийской школе почти с самого начала ее возникновения, служил в полевой и осадной артиллерии около 30 лет, а также в цальмейстерской (т.е. счетной) конторе. В то же время тяжелая военная служба в полевой артиллерии к его 47 годам оказалась для него уже непосильной, и Резанов в 1745 г. подает прошение об отставке. Елизавета Петровна подписала указ об отставке Резанова в декабре 1745 г. и наградила его чином надворного советника, что по табелю о рангах соответствовало званию майора¹⁸. Однако штатской должности, соответствующей этому званию, для него сразу не нашлось, что, по видимому, давало возможность ему оставаться некоторое время в военном ведомстве. Вот почему мундир, в котором изображен вельможа, шит по образцу не 1745 г., а 1747, как определил В.И. Егоров. Лишь в 1749 г. имя надворного советника А.М. Резанова встречаем мы в делах Санкт-Петербургской Камер-конторы, которую он возглав-

лял, следя за поступлением налогового сбора в государственную казну¹⁹.

Из документов ясно также, что до 1754 г. А.М. Резанов жил в Санкт-Петербурге, где имел собственное подворье на Васильевском острове.

Все изложенные выше документы дают основание предполагать, что на портрете вельможи М.Л. Колокольниково изображен Алексей Михайлович Резанов.

Как мы уже упоминали, датировка портрета, согласно мундироведческой экспертизе, может колебаться между 1747 и 1757 гг. Скорее всего, он был написан в Петербурге, где жил в то время и Колокольников, с которым Резанов, очевидно, поддерживал связь²⁰.

Учитывая документы, а также форму парика вельможи, мы предлагаем датировать портрет периодом между 1751 и 1753 гг., так как в 1754 г., когда Резанов покинул Петербург, его вряд ли мог видеть Колокольников.

Что касается книги в кожаном переплете с золотым тиснением, на корешке которой

русскими буквами указано: ТОМЪ I, то нет сомнения в том, что это была русская книга и что она была предметом фамильной гордости владельца. Однако точное определение ее крайне затруднительно, так как в середине XVIII в., когда писался портрет, книги издавались небольшим тиражом, переплетали их вручную небольшими партиями, нередко практиковались индивидуальные заказы на переплетение. Орнамент обложки не выпадает из стиля елизаветинского рококо. Судя по объему книги, это могло быть сочинение Квинта Курция Руфа "История о Александре Великом царе Македонском", первый том которой был издан Академией наук в 1750 г., с гравюрами Якова Васильева, перевод Степана Крашенинникова, объемом 602 стр., с другой стороны, это могла быть и "Древняя История" Шарля Роллена, I том, изданная там же в 1749 г., перевод Василия Тредиаковского²¹.

Надо учесть, что елизаветинская эпоха не слишком богата книжными изданиями подоб-

Неизвестный художник.
Портрет
Дамы с циркулем –
Екатерины
Михайловны
Омельяновой
(урожд. Засецкой),
кон. 1770-х
годов, х., м.,
106х71 см.,
ВГИАХМЗ,
инв. № 5057

Фрагмент
портрета
Е.М. Омельяновой

*Инструменты в руках
Е.М. Омеляновой,
фрагмент
портрета*

ного масштаба, и потому вероятность нашей гипотезы вполне может быть оправдана.

Предложенную нами идентификацию портрета вельможи на основании архивных изысканий нельзя, к сожалению, принять окончательно. Для полной уверенности не хватает изобразительной аналогии к портрету. Но она может быть оставлена в качестве рабочей гипотезы и использована в дальнейшем для атрибуции других портретов из той же фамильной галереи, хотя и написанных в более позднее время.

II

Среди произведений XVIII в., представленных в недавно открывшейся экспозиции Вологодского государственного музея-заповедника "История в лицах" выделяется группа из трех портретов: два поколенных – мужской в красном кафтане²², дамы с циркулем²³ – и мальчика в военном мундире, изображенного в полный рост²⁴. По характеру стиля и композиции, объединяющих эти три портрета в отдельную локальную группу, можно полагать, что они семейные. Однако источник поступления их в музей неизвестен. Важную информацию о времени создания этой группы дает надпись на детском портрете, выведенная белилами: ПИСАНЪ 1781 года ГЕНВА-РЯ 4 дня.

Возможно, что два других портрета – мужской и женский – из этой семейной группы могли быть написаны раньше – в конце 70-х гг., на что указывает парик на мужском портрете, чуть приподнятый над ушами, – характерный для второй половины 70-х гг.

По некоторой неуверенности письма и частым правкам (особенно это заметно на мужском портрете, где переписана уже по сухому кисть левой руки, а также лацканы кафтана),

можно предположить, что эти произведения написаны не очень умелой рукой – вероятно, крепостным живописцем. Характерна также и странная диспропорция фигур, и статичность парадного предстояния, и анатомические ошибки в рисунке. Вместе с тем автор пытается не только передать благородство своих героев и их внешнее сходство, но, что чрезвычайно редко для провинциальных произведений этого времени, – наметить пространственную среду и даже ввести в композицию элементы перспективы. Особенно это отличает детский портрет, где мальчик изображен перед развернутым в трехчетвертном повороте столиком, на очень длинных ножках, с игрушками: птицей и собачкой. Двухцветный фон с четко обозначенной диагональю, как бы отсекающей правый угол, создает впечатление некоего условного интерьера, на фоне которого представлена фигура.

Эти три портрета объединены не только композиционно, но и колористически. Тепловатая красноватая гамма, богато варьированная оттенками, в сочетании с холодными серо-зеленоватыми тонами оживлена бархатисто-черными пятнами отделки, что придает им сочную живописность, однако надо признать, что из-за плохой сохранности и утрат верхнего красочного слоя, в котором смыты лессировки, мы не в состоянии в полной мере оценить живописное дарование автора. Очевидно, это был художник, который настойчиво стремился приблизиться к столичному уровню, но эта попытка не могла быть реализована из-за элементарного отсутствия школы. Такая двойственность стиля характерна для многих портретов Дмитрия Коренева из Ярославского художественного музея, написанных в эпоху Просвещения, когда уже существовала Академия художеств с ее ученым профессионализмом и еще не изжитая была старая архаическая система иконописания, формировавшая мастеров портретной живописи в провинции.

Исходным ключом атрибуции этих произведений явился тип мундира на мужском портрете – красный кафтан с черными лацканами – и черная офицерская шляпа под мышкой, которые (согласно определению А.Л. Никитина и В.И. Егорова) являются знаком принадлежности данного лица к артиллерии. Однако невоенного характера камзол из светлой парчи, произвольно вышитый растительным орнаментом, отсутствие шпаги свидетельствуют о том, что ко времени написания портрета изображаемый на нем человек

находился в отставке²⁵. Именно из этих позиций мы исходили в поиске неизвестного лица.

В “Ревизских сказках” за 1782 г. по Вологодскому уезду, хранящихся в Гос. архиве Вологодской области, среди помещиков мы нашли имя “артиллерии поручика Ивана Андреева сына Омелянова – владельца 142 душ мужского пола крестьян и 141 женского полу, которые достались ему от его родителей, а также от жены Катерины Михайловой и от матери ее (т.е. тещи Омелянова. – М.Д.) – порутчицы вдовы Евдокии Михайловой Засецкой – в сельце Смыково, сельце Васильково, сельце Елизарово, деревнях Хохлуйке, Пазухине, Тарасовской Кубенской трети, Глотова, Сидорова, сельце Куркино, деревне Павлово и других”²⁶.

Как видно из названий сел, имение Омелянова составляли больше чем наполовину те деревни и села, которые числились за Резановыми и, очевидно, перешли к нему в качестве приданого от жены Екатерины Михайловны (урожденной Засецкой). Вспомним, что мать ее Евдокия Михайловна – сестра упомянутого выше артиллерийского офицера А.М. Резанова, который изображен на портрете М. Колокольникова. Возникает вопрос, не вышли ли это портреты из одной фамильной галереи?

Нашу гипотезу во многом подтверждают данные исповедных ведомостей верхневологодской Михайло-Архангельской церкви за период с 1783 по 1817 г. (фонд консистории ГАВО), где фиксируется не только состав семьи, но и возраст ее членов.

Так, в исповедной ведомости указанной церкви за 1784 год значатся: “Сельца Смыково порутчик Иван Андреев Омелянов – 40 лет, жена его Екатерина – 39, дети их: Анна – 14, Марья – 13, Александра – 11, Всеволод – 7, Наталья – 3, Павел – 2, а также теща его вдова Евдокия Михайлова – дочь Засецкая – 66”²⁷.

В Архиве РГАДА (фонд Герольдмейстерской конторы) удалось обнаружить формулярный список артиллерии поручика Ивана Андреевича Омелянова за 1789 г. (для представления в правительственный сенат и награждения его чином по рапорту генерал-губернатора Ярославского и Вологодского Евгения Кашкина), в котором дана более развернутая биография его. “Иван Андреев сын Омелянов, родом из дворян Вологодского наместничества и округи – имение в сельце Смыково с деревнями 138 душ, в Кадниковской округе – 27, в Вельской – 10, Новгород-

ского наместничества в Белозерском уезде – 28 душ крестьян – итого 203 души за ним крестьян”. “В службу вступил 758 году, происходил нижними чинами до офицерского чина – штык-юнкером – 763, подпоручиком – 767, порутчиком – 770. Тем ж чином отставлен в 770 году, участник Турецкого похода 769 и 770 годов”. “С 1 мая 779 года до открытия в Вологде наместничества служил в Вологодском Совестном суде заседателем трехгодичное время”. “С 1 июля 789 года избран предводителем дворянства Устюжского уезда”²⁸.

Сопоставляя данные формулярного списка с характером платья на портрете артиллерийского офицера, можно прийти к заключению, что он изображен как раз в то время, когда находился на службе в Совестном суде, сохраняя кафтан артиллерийского офицера, но уже в штатском камзоле²⁹. Возраст его – судя по приведенным выше документам – вполне согласуется и с видом изображенного на портрете лица.

На портрете дамы с циркулем, по-видимому, изображена его жена – Екатерина Михайловна (урожденная Засецкая) на детском портрете – их сын Всеволод, четвертый ребенок в семье, родившийся после трех старших сестер. Судя по виду, ему не более 4-х лет, хотя по правилам парадного портрета этот мальчик, по существу ребенок, стоит в парадной позе, подражая взрослому офицеру, и

Неизвестный художник.
Портрет
Алексея Александроича
Засецкого,
втор. пол.
1770-х годов,
х., м.,
63,5×54,5 см,
ВГИАХМЗ,
инв. № 2898

изображен он в военном мундире – зеленом кафтане с красными отворотами и обшлагами, на которых имется двойной ряд позумента, красном камзоле и таких же штанах, с черной офицерской шляпой под мышкой и детской шапкой, заткнутой за пояс. Белые чулки, черные туфли с блестящей пряжкой, кожаная портупея, на которой стоит инициал Екатерины II – все это свидетельствует, что мальчик изображен в мундире унтер-офицера Лейб-гвардии Преображенского полка, куда был записан, очевидно, с самого рождения³⁰.

Кстати, в приведенном формулярном списке Ивана Андреевича Омелянова указано его семейное положение: "... женат на дочери поручика Михаила Засецкого девице Катерине, детей имеет Всеволода – 13 лет, Павла 4-х лет, из коих первой находится в Лейб-Гвардии Преображенском полку сержантом" – см. сн. 28. Таким образом, приведенные выше архивные данные во многом подтверждают предложенную нами атрибуцию портретов этой семейной группы.

Теперь уже больше оснований полагать, что все эти портреты, а возможно, и портрет А.М. Резанова кисти М.Л. Колокольникова 1751–1753 гг., принадлежали одной фамильной галерее, связанной с именем в сельце Васильково, расположенном в верховье реки Вологды. Ныне, к сожалению, это село стерто с географической карты, а о существовании имения здесь свидетельствует лишь один полуразвалившийся могучий кедр, возвышающийся над рекой. Но в начале XVIII в., как мы уже упоминали, село это принадлежало второй жене Михаила Юрьевича Резанова – Марфе Степановне, затем в качестве приданого перешло, очевидно, к ее дочери Евдокии по выходе ее замуж за поручика Михаила Борисовича Засецкого.

Краевед В.К. Панов – исследователь генеалогии рода Засецких – упоминает это сельцо в качестве родовой вотчины поручика Лейб-гвардии Преображенского полка Михаила Борисовича Засецкого³¹. Однако имение это вскоре было забыто. Евдокия Михайловна вскоре после замужества овдовела, а ее единственная дочь Екатерина выходит замуж за артиллерийского поручика Ивана Андреевича Омелянова и переезжает к мужу – в сельцо Смыково, где живет с семьей и со своей матерью Евдокией до самой кончины. Судя по исповедным ведомостям верхневологодской Михайло-Архангельской церкви, Екатерина Михайловна умерла после 1805 г., так

как в документах той же церкви за последующие годы имени ее больше не упоминается, а Иван Андреевич – после 1811³². А с 1812 года их единственный оставшийся в живых сын Всеволод вновь перебирается в сельцо Васильково и, очевидно, увозит с собой фамильную портретную галерею "Сельца Васильково господин подполковник Всеволод Иванович Омелянов – 33 лет" – такая запись стоит в исповедной ведомости упомянутой церкви за 1812 г.³³ Нелишне напомнить, что как раз в 1921 году 10 ноября, судя по книгам поступления фондовых коллекций, Музей организует в село Васильково экспедицию и, вероятно, вывозит портреты, не отмеченные в документах³⁴.

Исследуемые нами портреты из сельца Васильково имеют большое значение не только как произведения искусства, но и как источник информации о той культурной среде, которая характерна для вологодского дворянства эпохи Просвещения. Наибольший интерес в этом плане имеет женский портрет, на котором изображена не просто дворянка – жена офицера, но дама ученая. Об этом говорят инструменты в ее руках – рейсфедер (либо остро заточенный карандаш) и циркуль, которые могут свидетельствовать о профессиональном роде занятий, требующих знания точных наук: геометрии и математики. Трудно представить, чтобы эти инструменты играли в портрете только декоративную роль либо были в нем отвлеченным символом. С некоторой долей вероятности можно предположить, что циркуль в руках дамы – символ масонства, пустившего в Вологде 70–80-х гг. глубокие корни. Но вряд ли такая гипотеза реальна. Во-первых, женщин в масонские ложи не принимали, во-вторых, циркуль в руке дамы приложен к листку бумаги и, стало быть, является не отвлеченным, а конкретным знаком, говорящим о профессиональных ее занятиях, возможно, связанных с картографией. По мнению искусствоведа А.В. Лебедева, в портретах XVIII в. как провинциальных, так и столичных, есть "рассказ через вещи"³⁵.

Так, на портрете А.П. Мельгунова кисти Д. Коренева (Ярославский художественный музей) изображена карта Севера Европейской части России с изображением Ярославской и Вологодской губерний, чертёж Ярославского Сиротского дома и другие аллегории, указывающие на реформаторскую деятельность известного генерал-губернатора в области просвещения. Подобный рассказ че-

рез вещи встречаем мы и в произведениях Левицкого – портрете П. Демидова, А.Ф. Корнинова и других.

Однако введение атрибутов точных наук в женский портрет – явление едва ли не уникальное. Надо вспомнить, что во второй половине XVIII в. проблема женского образования в русском дворянском обществе становится особенно актуальной. Об этом говорят ученые и философы: Н.И. Новиков, М.М. Херасков, А.П. Сумароков, Н.М. Карамзин, да и сама императрица Екатерина II, издавшая указ об открытии в Санкт-Петербурге Института благородных девиц. Девочки в помещичьих семьях учились в частных пансионах, получали домашнее образование. По мнению Ю. Лотмана, правда, это образование было довольно поверхностным – “оно ограничивалось обычно навыком бытового разговора на одном-двух иностранных языках, умением танцевать и держать себя в обществе, элементарными навыками рисования, пения и игры на каком-либо музыкальном инструменте и самыми начатками истории, географии и словесности”³⁶. Но были, очевидно, и исключения. Например, мать декабриста М.С. Лунина Федосья Никитична Муравьева, получив домашнее образование, увлекалась кроме гуманитарных наук физикой³⁷.

По-видимому, среди подобных исключений была и Екатерина Михайловна Омелянова. Вполне логично предположить, что знания точных наук она могла получить путем домашнего образования, если учесть окружение Екатерины Михайловны: дядя по линии матери – Алексей Михайлович Резанов – артиллерийский офицер, муж также в прошлом артиллерист. Известно, что среди военных именно артиллеристы были самыми образованными в области точных наук. Однако следует привести еще один факт: близкое генеалогическое родство Екатерины Михайловны по линии отца с известным в Вологде ученым, историком и краеведом Алексеем Александровичем Засецким – автором первого крупного труда по истории Вологодского края “Исторические и топографические известия по древности о России и частно о городе Вологде”, изданном в 1782 г. в типографии Н. Новикова при Московском университете³⁸.

Работа над книгой совпала по времени с составлением в Вологодском крае “Экономических примечаний к генеральному межеванию земель”. Возможно, что и сама идея написания книги была вызвана участием

А.А. Засецкого и его окружения в работе над топографическими описаниями, проводимыми тогда же по специальной академической программе, а также составлением указанных “Экономических примечаний” – по программе государственной. По замечанию историков А.В. Камкина и А.А. Севастьяновой, составлению Экономических примечаний предшествовала длительная подготовительная работа: на местах писались “сказки”, по особой программе, их данные систематизировались и обрабатывались, составлялись краткие и полные Экономические примечания, готовились карты, чертежи, атласы и пр. К сочинению экономических примечаний привлекались местные авторы и знатоки, чиновники и помещики³⁹.

Не исключено, что Екатерина Михайловна как раз и являлась одной из исполнительниц этой грандиозной программы, могла участвовать в составлении карт или чертежей к ним. О ее интеллекте говорят не только инструменты, которые она держит в руках, но и умный одухотворенный взгляд очень живых глаз, отсутствие какой бы то ни было чопорности в позе, скромный, но достаточно изысканный костюм – платье с фижмами серых и розовых тонов, лишенное особо дорогих украшений. Художник стремится передать обаяние этого образа не через внешние аксессуары, а через его внутреннее состояние. Не случайно среди всей этой группы женский портрет оказался наиболее привлекательным и в художественном отношении. Даже отделка платья дамы и кружево под кистью мастера, приобретают характер вдохновенного артистизма, гармонирующего с его внутренним благородством.

Духовность этого замечательного портрета в чем-то сродни портрету Алексея Александровича Засецкого, находящегося в экспозиции отдела истории Вологодского государственного музея-заповедника⁴⁰. Выдающийся историк и краевед на нем представлен как независимый философ. Подобно французскому мыслителю Дидро или вельможе П. Демидову на портретах Д.Г. Левицкого, он как будто пренебрегает своим внешним видом. Не случайно художник изображает его в домашнем халате и распахнутой на груди сорочке.

Разумеется, мы не ставим знак равенства между исполнением этих портретов, ибо портрет дамы с циркулем принадлежит к типу парадных, а портрет Засецкого представляет тип интимного решения композиции. Никакие внешние аксессуары не отвлекают

внимание зрителя от сосредоточенно-одухотворенного лица ученого, отличающегося благородной простотой и величием.

Вместе с тем, между портретами Е.М. Омеляновой и А.А. Засецкого есть сходство в карнации личного письма, основанного на прозрачных жидких лессировках, в его воздушной розовато-перламутровой тональности, скрадывающей жесткость переходов от света к тени, в очень живом, легком рисунке глаз, придающем лицу одухотворенное выражение. Даже ошибки, связанные с недостаточным знанием анатомии, одни и те же. На портрете Засецкого, несмотря на все его художественные достоинства, замечаешь, что автор переписал грудь, частично подправил левую щеку, профессиональные погрешности имеются и в несколько вялой передаче складок одежды. Такие ошибки вполне допустимы были для портретистов XVIII в., не только провинциальных, но и столичных.

Вместе с тем, есть достаточно оснований полагать, что эти произведения, принадлежащие не только одному времени – 70-м гг. XVIII столетия, но и одному кругу. Оба они явились выразителями культуры и искусства золотого века русского Просвещения. Это была культура той наследственной дворянской аристократии, о которой писал А.С. Пушкин, противопоставлявшей ей аристократию верноподданническую и чиновничью, ценившей свободу и независимость выше титулов и званий, и может быть потому предпочитавшей оставаться в тени провинции, где были “книгохранилища, кумиры и картины” и “стройные сады”, и “музы в тишине”⁴¹.

В провинциальном искусстве России публикуемые портреты по праву должны занять особое место. Некоторые формальные признаки, как мы уже отмечали, роднят их с творчеством ярославского художника Д. Коренева и обнаруживают явное тяготение к примитиву. Это был примитив утонченный, тянущийся к ученому искусству. Точки соприкосновения с ученым искусством проявляются здесь не только на формальном уровне – об этом красноречиво говорят попытки автора овладеть перспективой, обогатить цветовую гамму тональными градациями и рефлексам, но и, прежде всего, в образном строе. Художник осознанно стремится отступить от натуралистического объективизма в характеристике моделей, заглянуть в их внутренний мир и даже дать им свою оценку. В отличие от портретов Д. Коренева или Г. Островского, в которых образ как бы отстранен

от художника и находится от него на огромной дистанции (а отсюда, быть может, и ощущение некоторой холодности портретной характеристики), автор вологодских произведений, о которых идет речь, подходит к ним более дифференцированно, пытается выступить в них не только как объективный реалист, но прежде всего как личность. Сам факт такого решения опровергает ставшее расхожим мнение, будто провинциальный портрет сплошь “имперсонален”, “нератичен”, что “тезис о внутренней свободе просвещенной личности (выражение А.В. Лебедева. – М.Д.) оказывается ему совершенно чуждым”⁴². По-видимому, провинциальное искусство – и в частности, провинциальный живописный портрет XVIII в. – явления гораздо более многоплановые и многогранные, чем те высказывания о нем, которые появляются на страницах печати. Тем более, что эти оценки учитывают не весь провинциальный портрет, а только его отдельные локальные группы, приспособленные под ту или иную научную концепцию. Не ставя в связи с нашими открытиями никаких точек над *i*, мы надеемся, что публикуемые портреты не только количественно пополнят сокровищницу русского провинциального искусства XVIII в., но станут основой и для его теоретического осмысления.

*

¹ Основные труды о творчестве М.Л. Колокольникова приведены в: *Котельникова И.Г.* О творческой биографии малоизвестного русского портретиста XVIII века М.Л. Колокольникова // *Музей-5. М., 1984. С. 79–84, 93.* Особо следует отметить ст. *Ломизе И.Е.* Новооткрытые портреты Мины Колокольникова // *ПКЮ. 1981. Л., 1981*, в которой использованы результаты технико-технологического анализа, проведенного в лаборатории ВХНРЦ им. И.Э. Грабаря, а также ст. *Гершфельд В.Ф.* Иконописное творчество Мины и Федота Колокольниковых (Иконостасы Никольского Морского собора в Ленинграде) // *ПКНО. 1986. Л., 1986. С. 272–294.*

² Вологодский гос. историко-архитектурный и художественный музей-заповедник ВГИАХМЗ, х., м., 120 × 124. Инв. № 2834. Опубликовано: *Котельникова И.Г.* Указ. соч. С. 83–86, 93. Портрет реставрирован в 1981/82 гг. в ВХНРЦ им. Грабаря.

³ Данные рентгенограммы и заключительного анализа: *Котельникова И.Г.* Указ. соч. Примеч. 34.

⁴ Первоначальная версия о том, что на портрете изображен генерал-полициймейстер А.Д. Татищев, высказана нами в сообщении, прочитанном на ученом совете музея в декабре 1990 г. В ходе дальнейшего исследования от этой версии пришлось отказаться, так как А.Д. Татищев в артиллерии никогда не служил.

⁵ В одной из старых книг музея-заповедника с перечнем художественных произведений рядом с портретом вельможи стояла карандашная пометка: “Васильково”.

- ⁶ Евдокимов И. Куркино. (Рукопись) [1929]. С. 10 (Вологодская областная библиотека им. Бабушкина). Автор очерка ошибочно видел в этом вельможе строителя усадьбы "Куркино" Федора Дмитриевича Резанова (1769–1838), что противоречит датировке портрета.
- ⁷ Котельникова И.Г. Указ. соч.-Примеч. 33. На эту ссылку трудно опираться еще и потому, что автор невнимательно прочел архивный документ и допустил ошибку в написании фамилии владельца сельца Василево, превратив помещика Конищева в "Понищева" // ГАВО. Ф. 388. Оп. 9. Ед. хр. 143. Л. 145.
- ⁸ Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в I-м отделе Московского архива Министерства юстиции. М., 1853. С. 352; Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Ч. IV.
- ⁹ Дело о родословной вологодского помещика Д.Ф. Резанова (Прошение вологодского помещика, коллежского секретаря Дмитрия Федоровича Резанова на случай внесения нас с братом губ. секретарем Алексеем Федоровичем Резановым в Дворянскую родословную книгу // ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Ед. хр. 10798. Л. 50 об. 28.
- ¹⁰ В этой родословной упоминается "сельца Василькова вдова Марфа Степанова" // ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Ед. хр. 10798. Л. 7.
- ¹¹ Там же. Л. 26.
- ¹² Там же. Л. 28.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. В исповедной ведомости церкви Михаила Архангела на Верхней Вологде за 1757 г. записано: "...сельца Куркино Алексей Михайлов сын Резанов – надворный советник, в прошлом артиллерии майор – 58, сын его поручик Дмитрий Алексеев Резанов – 27, ...Сельца Васильково поручица вдова Евдокия Михайлова дочь Михайлова жена Борисова сына Засецкого – 39, дочь ее Екатерина Михайлова – 15 см" // ГАВО. Ф. 496. Оп. 19. Ед. хр. 166. Л. 100 об.
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 307. Л. 300–310.
- ¹⁶ Там же. Л. 302–302 об.
- ¹⁷ Там же. Л. 304.
- ¹⁸ Там же. Л. 309.
- ¹⁹ РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 310. Л. 32. "Октября 28 дня 1749 года. А по справке нынче... в Санкт-Петербурге в Камер-канторе Надворный советник Алексей Резанов в должности асессора капитан Алексей Павлов".
- ²⁰ Исследователи творчества Мины Колокольниковой, в частности И.М. Сахарова, утверждают, что в начале 50-х гг. XVIII в. художник жил в Петербурге и привлекался к делам Канцелярии от строений, а также для выполнения работ в Царском Селе (Сахарова И.М. Алексей Антропов. М., 1974. С. 177).
- ²¹ Сводный каталог русской книги XVIII века. М., 1964. Т. III. С. 108. № 3386; Там же. Т. IV. М., 1966. С. 45. № 6041.
- ²² ВГИАХМЗ. Холст, масло 100,7 × 66,7 Инв. 5150. Реставрирован в 1978–81 гг. Техническая реставрация А. Османис, живописная Л. Яшкина. Холст дублирован ВЦИЛКР.
- ²³ ВГИАХМЗ. Х. М. 106 × 71. ИНВ. № 5057. Реставрирован в 1978–1981 гг. Техническая реставрация Я.А. Вилля, живописная – Г.М. Ерхова. Холст дублирован. Портрет экспонировался на выставке "Искусство земли Вологодской XIII–XX веков", см.: Искусство земли Вологодской XIII–XX веков. Каталог. М., 1990. С. 122. Цветная иллюстрация. В каталоге неверно указан источник поступления портрета в музей.
- ²⁴ ВГИАХМЗ. Х., м. 103 × 65. ИНВ. № 5077. В инвентарной книге Вологодского художественного музея за 1924 числится как работа крепостного живописца. Реставрирован в 1979 г. Л.И. Яшкиной ВЦИЛКР. Холст дублирован.
- ²⁵ Автор благодарит сотрудников редакционно-издательского отдела РГВИА В.И. Егорова и А.Л. Никитина за консультацию в области мундироведческой экспертизы данного портрета.
- ²⁶ ГАВО. Ф. 388. Оп. 9. Ед. хр. 8. Л. 80–100.
- ²⁷ ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Ед. хр. 3595. Л. 10. Сведения о составе семьи Омеляновых зафиксированы в исповедных ведомостях данной церкви за следующие годы: 1784, 1785 – л. 18; 1786, 1788 – л. 57 об., далее до 1799 г. записи прерываются и вновь появляются с 1799 г. 1811 г. Отсутствие их в конце 80-х – начале 90-х гг. вплоть до 1799 г. свидетельствует о том, что И.А. Омелянов находился на службе в других городах – Вологде и Великом Устюге.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 419/833. Л. 501–502.
- ²⁹ По словам сотрудника РГВИА В.И. Егорова, жесткой регламентации в отношении формы одежды находящихся в отставке военных в XVIII в. не было, и они могли, находясь на статской службе, носить кафтан военного образца.
- ³⁰ Консультацию по мундироведческой экспертизе портрета мальчика предоставил В.И. Егоров – за что выражаем ему искреннюю благодарность.
- ³¹ Панов В.К. Генеалогическая схема рода Засецких // ВГИАХМЗ. Сектор письменных источников. Ф. 155. Оп. 7. Д. 46. Л. 191–195.
- ³² ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Ед. хр. 3595. Л. 201, 359.
- ³³ Там же. Л. 382 об.
- ³⁴ Инвентарная книга Вологодского художественного музея за 1921–24 год // ВГИАХМЗ. Сектор учета. С. 65–70. № 56–69, 77–81.
- ³⁵ Лебедев А.В. Эпоха Просвещения и искусство портрета в русской провинции // Культура эпохи Просвещения. М., 1993. С. 187–188.
- ³⁶ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства XVIII – начала XIX века. СПб., 1994. С. 87.
- ³⁷ Муравьев М.Н. Стихотворения / Вступ. ст. и примеч. Л.И. Кулакова. Л., 1967. С. 31.
- ³⁸ На это родство, в частности, указывает исследователь генеалогии рода Засецких В.К. Панов. См. примеч. 21.
- ³⁹ Камкин А.В. Вологда 1780-х годов в описаниях современников // Вологда. Альманах. Вологда, 1994. Вып. 1. С. 281. См. также: Ермолин Е.А., Севастьянова А.А. Воспламененные к отечеству любовью. Ярославль, 1990. С. 80–86.
- ⁴⁰ ВГИАХМЗ. Х.М. 63,5 × 54,5 Инв. № 2898. Портрет поступил из усадьбы Ковырино в ноябре 1921 г. Реставрирован в 1970-е гг. Биография А.А. Засецкого, к сожалению, еще не изучена. В исповедной ведомости Церкви Великомушеника Димитрия Солунского, что в Раменье, за 1757 г. упоминается "Лейб-гвардии Преображенского полка отставной капитан-поручик Алексей Александров сын Засецкий – 46, жена его Анна Ивановна – 46" ГАВО. Ф. 496. Оп. 19. Д. 166. Л. 1015. Портрет А.А. Засецкого по стилистическим признакам можно датировать серединой 70-х гг. XVIII столетия. Следовательно, историк и ученый изображен на нем в довольно пожилом возрасте, около 65 лет.
- ⁴¹ А.С. Пушкин об искусстве. Дворянская оппозиция / Примеч. и вступ. ст. А.А. Вишневского. М., 1990. Т. 2. С. 176–197.
- ⁴² Лебедев А.В. Указ. соч. С. 183, 198.